

Лекарь Мо упомянул об этом, и Мэн Ци тоже вспомнил. Император Ли из династии Чэнь был глубоко убеждён в искусстве долголетия и алхимии, лично занимался приготовлением пилюль и принимал их. Хотя каждый раз кто-то пробовал лекарство, пробуящий съедал лишь одну пилюлю, а император принимал их ежедневно, месяц за месяцем. Не прошло и нескольких лет, как он стал чрезвычайно жестоким, постоянно подозревал всех вокруг, считая, что кто-то хочет его убить, и без причины казнил множество придворных и даже чиновников. В итоге в истории он остался с именем тирана.

Династия Чэнь изначально не была такой развращённой. В ранние годы правления Императора Ли его называли мудрым и справедливым. Исторические записи лишь упоминают, что в старости его характер резко изменился, или же говорят, что он был жестоким от природы. Но с точки зрения лекаря всё было иначе — это было отравление пилюлями, приведшее к психическому расстройству.

Узнав, почему разбойники сошли с ума, Нин Чаньюань успокоился и сразу же начал распространять слухи.

Цю Хун неожиданно помогла. Она, будучи в курсе городских сплетен, знала, какие слухи привлекут больше всего внимания.

На этот раз они смогли использовать слухи о золотом руднике, которые ранее распространились по провинции Пин, чтобы окутать гору Сылан ореолом таинственности и ужаса. Злодеяния семьи Сы были известны всем, а погибшие безвинно люди словно превратились в злобных духов, преследующих и требующих отмщения.

Так прошли три дня, и вот уже наступило двадцать девятое число двенадцатого месяца.

В уезде Цюлин не было возможности спокойно встретить Новый год, и Нин Чаньюань был занят, исчезнув из виду.

Мо Ли, беспокоясь о том дереве, снова отправился в горы.

— Ртуть влияет на духа горы? — спросил Мэн Ци, неспешно следуя за ним.

Куда бы лекарь ни пошёл, он следовал за ним. Мо Ли уже почти привык к тому, что рядом с ним есть такой человек.

Мо Ли издали увидел то дерево и заметил, что оно всё ещё выглядело низким и тонким. На вершине выросло несколько диких трав, качающихся на ветру.

— Должно быть, да. Возможно, разрушение почвы и водных источников также стало причиной упадка духа горы. — Мо Ли погладил ствол дерева, и ветви слегка наклонились, коснувшись его.

Мэн Ци вспомнил, как это дерево царапало его лицо, и намеренно сказал:

— Этот дух горы выглядит довольно глупым.

— У него нет собственного сознания, поэтому неуклюжесть вполне нормальна. — Мо Ли вздохнул.

Теперь он думал, что долгое отсутствие пробуждения драконьей жилы горы Сылан, возможно, также было вызвано отравлением ртутью.

Даже люди могли сойти с ума из-за этого... Хм?

Мо Ли резко поднял голову и посмотрел на Мэн Ци. Тот был удивлён горящим взглядом лекаря.

— ...Что случилось?

Мэн Ци первым делом потрогал своё лицо, затем посмотрел на одежду, но не обнаружил ничего необычного.

— Лекарь, ваш взгляд пугает, — осторожно спросил он. — Может, со мной что-то не так?

Выражение лица Мо Ли менялось, и лишь через некоторое время он произнёс:

— Я помню, что сотни лет назад была мода на строительство гробниц в горах, особенно у того Императора Ли из династии Чэнь, который умер от приёма пилюль. Он потратил все силы страны на строительство своей гробницы, устроил множество ловушек, украсил её золотом, серебром и драгоценностями.

— Это так, — ответил Мэн Ци, не понимая, к чему клонит Мо Ли.

— Он также подражал древнему императору Цинь, уничтожившему шесть государств, и использовал ртуть для создания рек, озёр и морей...

— Да, в древние времена ртуть была дороже золота, но теперь это не так.

Едва Мэн Ци закончил, как почувствовал, как Мо Ли крепко схватил его за одежду.

— Лекарь, что с вами?

— ...Мы отправляемся в Тайцзин, — медленно произнёс Мо Ли.

Тайцзин был столицей нескольких династий, и многие императоры были похоронены неподалёку. Гробница Императора Ли из династии Чэнь не была исключением.

На второй день Нового года, на границе провинций Юн и Пин, на рынке.

Это место изначально было пустырём, заросшим сорняками.

В провинции Пин процветали бандиты, а в провинции Юн три года длилась засуха. Многие люди потеряли свои дома. Они не могли заплатить налог за въезд в город, не имели места, куда можно было бы укрыться, и боялись, что их схватят для принудительных работ. Поэтому они собрались вместе и временно обосновались на пустыре недалеко от города.

Чтобы выжить, беженцы выкладывали свои скудные пожитки, чтобы обменять их на что-то другое.

Со временем это место превратилось в странный рынок, не похожий ни на деревню, ни на город.

Мо Ли был незнаком с такими местами, и он инстинктивно потянул Мэн Ци за собой, указывая ему идти впереди.

Мэн Ци...

С тех пор как они покинули гору Сылан, отношение лекаря к нему изменилось.

Раньше он следовал за лекарем, хорошо знакомый с его спиной, но теперь, когда лекарь настойчиво потребовал поменяться местами, Мэн Ци было непривычно.

— Мастер боевых искусств не потеряется, — не выдержал Мэн Ци.

— Ты мой пациент, и я должен наблюдать за твоими словами и действиями, — спокойно возразил лекарь Мо. — У меня появились новые догадки о твоём состоянии, и пока я не удостоверюсь в них, мне нужно, чтобы ты всегда был у меня на виду.

...

Мэн Ци испытывал сложные чувства.

Семь частей неудобства и три части смутной радости, настолько скрытой, что он сам не мог

понять её.

Когда взгляд Мо Ли скользил по нему, Мэн Ци непроизвольно напрягал спину, стараясь выглядеть спокойным и рассудительным, а затем мучился от того, как долго этот взгляд задерживался.

— Неужели это из-за того, что я привык смотреть на лекаря, и теперь он отвечает мне тем же?

Долги декабря возвращаются слишком быстро.

Возможно, это из-за того, что я познакомился с лекарем в декабре, и это не принесло мне удачи, — задумался Мэн Ци.

Подождите, почему взгляд лекаря отвлекся?

Мэн Ци резко очнулся и повернулся. Он увидел, что Мо Ли смотрит на прилавок у дороги.

По обеим сторонам улицы было множество таких прилавков, от разбитой керамики до залатанной одежды, продавалось всё.

Были и те, кто продавал зерно, но только грубое. Этот прилавок предлагал соевые бобы, не очень полные, упакованные в маленький мешочек. Кто-то хотел обменять их на две пары толстых ботинок, но продавец отказался.

— Брат Мэн, дай денег.

Мэн Ци молча достал кошелёк.

Кошелёк генерала Лю, тот самый, что они забрали у разбойников за пределами городка Лазурного озера.

— Медяки закончились, есть только мелкое серебро.

Мэн Ци протянул Мо Ли кусочек.

Лекарь Мо задумался. Здесь всё обменивалось на товары, и серебро было не очень полезно.

Внезапно он заметил Нин Чанъюаня.

Хотя они шли вместе, но, оказавшись на этом рынке, Нин Чанъюань словно рыба в воде,

мгновенно исчезнув из виду.

Нин Чаньюань был одет в даосскую робу, с мечом на поясе. У него была особенность — где бы он ни находился, он не выглядел неуместным. На этой узкой улочке, среди развалин, Нин Чаньюань слегка сгорбился, выглядев как обычный даос, зарабатывающий на жизнь обманом, и меч на его поясе даже не привлекал внимания.

— Его мастерство владения мечом должно быть высоким, — пробормотал Мо Ли.

— Лекарь хочет попробовать? — сразу предложил Мэн Ци. — Или я сначала попробую сразиться с ним за вас?

Он слишком мало времени провёл в схватке с Нин Чаньюанем и не использовал оружия, так что не знал, на что тот способен.

— Нет, лучше не усложнять, — сдержав любопытство, отказался Мо Ли.

Он боялся, что Мэн Ци и Нин Чаньюань увлекутся поединком, и вдруг у Мэн Ци случится приступ. Разве он будет мяукать перед Нин Чаньюанем?

Ученик великого лекаря тоже имеет свою гордость.

Нин Чаньюань уважал господина Циня, и Мо Ли, как ученик Цинь Лу, не мог опозорить своего учителя.

— Лекарь долго жил в уезде Чжушань и не видел мастеров боевых искусств. Просто поединок, ничего страшного.

— Ладно, давай сначала подумаем...

Мо Ли внезапно замолчал, увидев, как Нин Чаньюань резко развернулся и сбил с ног человека, который шёл за ним, а затем несколькими ударами отправил в полёт ещё нескольких.

Люди на улице не испугались, а наоборот, смеялись и наблюдали за происходящим.

— Даос, отличное мастерство!

— Даос вернулся!

Нин Чаньюань похлопал себя по рукам и сказал тем, кто лежал в пыли:

— Вы следили за мной с самого начала. Что, хотите сдать меня властям за пару монет на выпивку? Знайте же, что в этом мире заработать деньги непросто, а уж тем более — поймать разыскиваемого преступника!

Те испуганно молчали, поднялись и разбежались.

Люди на улице смеялись, а те, кто не знал Нин Чаньюаня, удивлённо спрашивали у прохожих.

— Это даос Нин.

— На самом деле он не совсем даос, он самозванец, разыскиваемый властями.

— ...Нет, он не убивал и не поджигал, просто подделывал документы. Печати всех уровней управления в провинции Юн он воровал, а через несколько дней возвращал обратно.

Мо Ли, услышав это, не выдержал и вставил:

— Воровал, чтобы подделать печати?

Мэн Ци разглядывал Нин Чаньюаня, не понимая, как тот мог носить столько печатей. Разве это не тяжело?

<http://bllate.org/book/15299/1351835>